

ЧАСТЬ I

ПРОСТРАНСТВО

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Мы родились в Сибири...». Так, несколько перефразировав слова известной песни, можно сказать об авторах этой книги. Мы родились и выросли в Западной Сибири, на берегах реки Ишим, на границе северных лесов и Великой степи, в краю березовых рощ, заливных лугов, топких болот и бездонных синих озер.

Путешествия по окружающим лесам, лугам, рекам и озерам с детства было для нас самым любимым и захватывающим занятием. Разве может быть в жизни что-нибудь более интересное, чем походы по неизведанным или давно нехоженным местам. Мы отправлялись в путь по тенистым, пугающим своей гнетущей тишиной дебрям, взбирались на поросшие кустарниками косогоры, шли по берегам поросших тальником рек. Сколько мы встречали на своем пути обрывистых, поросших черемухой берегов, разбитых гатей, наполовину утонувших в топких болотах, заброшенных охотничьих избушек, едва заметных тропинок, ведущих в неизвестность.

Сколько щук выловили мы в заросших кувшинками речных водах, сколько пескарей попало в наши нехитрые старые неводы, сколько красно-зеленой лесной клубники и крепких боровиков собрали мы на солнечных лесных опушках. Сколько раз со своими отцами и старшими братьями кралась мы сквозь колючие кустарники к покачивающимся на озерной ряби уткам, вспугивая их то треснувшей под ногой веткой, то хлестким, разящим выстрелом из старой «тулки». Впрочем, просто бродить по лесным тропам или скользить на раскошемся баркасе по озерной глади мы любили не меньше.

Нас было хлебом не корми, а дай насладиться этим непритязательным, но столь желанным чувством простора и свободы, столь свойственному любому сибиряку. Мы же в своих детских странствиях представляли себя, то таежными охотниками-кержаками, то бесстрашными разведчиками, заброшенными в тыл врага, то ловкими и отчаянными индейцами, ирокезами или чероки, выслеживающими

своих жертв, в надежде обзавестись очередными скальпами. Детство закончилось, но воспоминания — самые живые и яркие — навсегда остались с нами.

Детские впечатления, не навязанные нам взрослыми — самое стойкое и дорогое, из того, что мы уносим с собой в дальнейшую жизнь. С тех пор тяга к путешествиям осталась у нас в крови. Жизнь разбросала нас по стране, мы живем и работаем в разных городах и занимаемся абсолютно несхожими делами. Однако жажда приключений, готовность жертвовать многим ради новых открытий теперь будет неизменно определять нашу дальнейшую жизнь. Мы — путешественники по жизни, охотники за неизведанным, пилигримы и кочевники. Мы — Дерсу Узала эпохи нанотехнологий и Интернета. Наше дело по-прежнему исконно мужское, порой опасное, и неизменно трудное — искать и исследовать, идти неизведанными путями и достигать новых горизонтов. Поэтому мы — путешествуем.

Тот, кто не смотрит вперед,
оказывается позади.

Герберт Уэллс

РУССКАЯ МЕЧТА И АМЕРИКАНСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Что такое Америка для нашего человека? Прежде всего — мечта. Мне приходилось встречать в России достаточно много людей, которые ставили перед собой цель уехать на Запад, жить за границей. Большинство из них прагматично и расчетливо перечисляли преимущества жизни там, «за бугром», как правило, отдавая предпочтение материальной составляющей существования, реже рассчитывая на обретение свободы творческого выбора и возможность самореализации. Звучали в этих речах и Лондон, и Париж, Испания и Германия. И только когда дело касалось Америки, взгляд собеседника неизменно затуманивался, голос становился приглушенным и вкрадчивым, интонации смягчались.

Америка всегда была для многих из нас пиком в необозримой пирамиде возможностей человека, своеобразным мерилom его истинного потенциала, неким индикатором соответствия выявленному

в реальности совершенству. Посредством идентификации с американским идеалом наш человек всегда оценивал свое наличное бытие и его грядущие перспективы. Если сказать проще, именно Америка все последние годы была для нас и во многом остается самопровозглашенной мечтой о лучшей жизни, о чем-то более совершенном, справедливом и возвышенном, ну хотя бы в деле гармонизации потребностей организма и уровне их удовлетворения.

Мечта — это святое. Человек постсоветского пространства может отказаться в жизни от многого, но только не от мечты. Мечта для него — это то многое, ради которого стоит пожертвовать окружающим тебя малым.

Для американцев мечта — понятие более конкретное и осязаемое. По одной из версий «американская мечта» — это навязчивое желание стать богатым человеком. Но был и Мартин Лютер Кинг, который свою самую известную речь в защиту «Черной Америки» начал словами: «У меня есть мечта», и говорил он о свободе, равенстве и братстве. «У меня есть мечта, что в один прекрасный день нация поднимется и поймет... что все люди созданы равными... Я мечтаю о том дне, когда... явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие... В этом наша надежда и наша вера. С этой верой мы сможем высечь из горы отчаяния камень надежды. Эта вера поможет нам работать вместе, молиться вместе, отстаивать свободу вместе, зная, что наступит день нашего освобождения. Но по дороге к праведному месту мы не должны совершать несправедливые дела...». Вот о чем грезил, например, Мартин Лютер Кинг. Но о его версии мечты ни наши соотечественники, ни сегодняшние американцы, похоже, ни чего не подозревают.

Сегодня «американская мечта» — это представление о сытой, благополучной и спокойной жизни, в переделах самих Соединенных Штатов. И точка! Все остальное, как считают американцы — приложится. Свои представления, имеющие признаки неустранимой мании, американцы ныне транслируют на весь мир в виде искусственно создаваемых и широко тиражируемых образов. Все эти «Макдональдсы» и «Харлей-Девидсы», «истинная демократия» и «свободные выборы» на самом деле рекламируют даже не образ жизни, они часть рекламного проекта «американская мечта», но не для внутреннего пользования, а в расчете на стороннего наблюдателя.

Таким образом, растиражированный и упакованный для регулярного и многократного употребления продукт «американская мечта»

экспортируется по всему миру. В том числе и в Россию, а точнее в первую очередь в нашу страну.

Хорошо это или плохо? Само по себе это не так уж и плохо, ведь познавать мир, открывать в нем новые горизонты и находить новые возможности для самореализации не так уж и дурно. Хуже, когда такой растиражированный образ, становится чистой воды манипуляцией. Сегодня «американская мечта» на вынос — это откровенная манипуляция, введение в заблуждение и едва ли что-то еще. Самих американцев упрекать в этом бессмысленно и даже наивно — они экспортируют то, что лучше всего умеют делать. А лучше всего у них получается создавать видимость, впечатления, образы.

К тому же в чем-то далеком и неизведанном мы сами хотим видеть порой объект наших вожделений. Из всего реально существующего в мире Америка — самый подходящий кандидат. Расположенная на другом континенте, большая и могущественная страна с многонаселенными городами, с высочайшим на душу населения уровнем потребления. О чем еще можно мечтать? Вот и мечтаем.

Те, кто громче всего требуют свободы, хуже всего ее переносят

Честерфилд Филипп

ЧИСТИЛИЩЕ

Поездка в Америку сегодня начинается с посольства США, там она может и закончиться, не начавшись, потому что визу дают далеко не всем. В любом случае сначала нужно посетить сайт посольства США и, разобравшись в тонкостях заполнения анкеты, сделать первый решительный шаг к преодолению визового барьера. Затем вас ждет недолгая по времени беготня между офисами «Пони-экспресс», чтобы всучить клеркам-посредникам заполненную анкету, и, наконец, объявление даты собеседования. Теперь вас ждут в посольстве США. Хочется верить, что ждут.

Собеседование в посольстве — ответственный момент, записывают почему-то только на утро, по московским меркам — раннее. У нас назначено время в 8.00. В этой день встаем раньше обычного

и, выпив для храбрости две чашки кофе, выходим на улицу. Серое московское утро не обнадеживает. На Новицком бульваре, где расположено посольство США, ажиотажа не наблюдается, впрочем, перед входом в здание возникает очередь — внутрь запускают небольшими порциями. Служащие посольства в форменной одежде, на куртках — шевроны с американским флагом, но судя по выговору — москвичи. Минут через десять с очередной группой соотечественников попадаем в здание. В достаточно просторном и светлом помещении с потолка свисают флаги американских штатов — Монтана, Аризона, Нью-Йорк, Техас. Что ж, атмосфера довольно располагающая. Медленно продвигаемся к стойке, где предлагается выложить все излишние в посольстве вещи, в том числе мобильные телефоны, острые и режущие предметы... Неужели и в американское посольство кто-то берет нож? После полной «выгрузки», проходим фейс-контроль и досмотр поклажи. И снова вперед — в новую очередь. Здесь, притихшие и немного озадаченные, мы втягиваемся во внутренние помещения посольства — конвейер действует безупречно, нам еще в паре окошек молчаливые работники, проштамповывают анкету, рисуют порядковый номер, и отправляют на сканирование отпечатков пальцев. Час уже прошел.

На пути к заветному окошку, замечаем информационные таблички: «Для политических беженцев» и «Невесты». Да, каждому свое, как говорится. У окошка с зеленоватыми сканнер-панелями впервые вступаешь в диалог с американцами: «Гуд монинг». «О, кей!» Да, да, конечно. Прикладываешь к жирному стеклу сначала большие пальцы обеих рук, потом поочередно ладони. Все в сторону! Теперь ожидание в «отстойнике», перед собеседованием. Сидим на стульчиках, читаем книжки.

Очередь движется довольно быстро, вот мы уже встаем и занимаем места у красной линии, от которой по одному человеку стартуем к окошку, на собеседование. Попутно становимся свидетелями маленьких драм. Вот как раз напротив меня, негромким, но твердым голосом клерк произносит: «Извините, но по законам США, мы не можем выдать вам визу. До свидания!» Трудно описать эмоции разочарованной донельзя гражданки... Трудно, потому что сам ты словно становишься ниже ростом, и начинаешь размышлять о собственных шансах на успех, а не о чужих проблемах. Так что существенная грань между «зваными» и «избранными» проходит уже в посольстве этой самой свободной в мире страны. Там в Америке она проявится еще более резко.

Пока же я решаю для себя — надо бы попытаться избежать randevu с суровым служащим, только что отправившим в нокаут потенциального иммигранта.

Впрочем, всех нас правительство США рассматривает, как возможных иммигрантов и потому даже для статистической отчетности без видимых на то оснований отсекает порой ни чем ни примечательных граждан от счастливых обладателей американской визы. По мере продвижения к окошку начинаешь сознавать масштабы и особенности проблем, которые тяготят дорогих нашему сердцу россиян при выезде за границу. Вот, один, видимо, чересчур состоятельный гражданин, ответственно заявляет у окошка: «Цель моей поездки в США — приобретение недвижимости в Майами... — возникает пауза, — «Я — бизнесмен, у меня строительные и торговые предприятия!». «О, кей,» — ему в ответ! Следующий. Женщина средних лет, нервным голосом начинает объяснять пожилому клерку, зачем ей собственно в США. Тут и болезнь матери, и необходимость операции в лучших клиниках, приводится длинный перечень аргументов. Улавливаю недобрый огонек в глазах сотрудника, судя по всему, даме тоже будет отказано. К ужасу своему замечаю, что в порядке очереди попадаю именно к тому самому, судя по всему, злобному клерку, который только что расстроил несчастную гражданку. Так оно и есть, очередь меня буквально выталкивает на этого посольского «зверюгу».

Непосредственно у окошка сталкиваюсь с абсолютно равнодушным взглядом сотрудника, он, и не скрывает, что ему такая тупая работа категорически осточертела. Для проформы выстреливает несколько вопросов: «Цель поездки? Почему получаете визу в посольстве США в Москве, хотя зарегистрированы в Санкт-Петербурге? Где собираетесь остановиться в США?». Во время беседы клерк всматривается в экран монитора и что-то набивает на клавиатуре. Не успеваю я сформулировать последний ответ, как он делает легкое движение рукой: «Ваша виза одобрена». Из посольства на свежий московский воздух выходишь с не самым приятным чувством, с одной стороны, конечно, испытываешь радость — путь в Америку открыт, с другой — нарастает внутреннее противоречие. Все же ощущаешь себя просителем у «парадного подъезда», пусть и успешным. В общем, весьма смешанные чувства...

Цена свободы — вечная
бдительность

Томас Джефферсон

PIТ-SТОР В АЭРОПОРТУ НЬЮ-ЙОРКА

В Нью-Йорк из Москвы летим самолетом компании «Аэрофлот», это как-то привычней, да и дешевле, откровенно говоря. Беспосадочные перелеты в США осуществляет еще и американская «Delta», но уже несколько за иные деньги. Билет «Аэрофлота» туда-обратно стоит 25 000 рублей, бывают и дешевле, но это уж как повезет. Летим, получаем обед и ужин. Заполняем миграционные карты. После 10 часов полета на Боинг 767, в темноте, мы приземляемся в международном аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди, где-то здесь, на территории аэропорта, нас должны встретить Алексей Евтюгин и Андреас Киснер, но сначала нам предстоит пройти пограничный и миграционный контроль.

Встраиваемся в длинную очередь, которая, огибая препятствия в виде разноцветных столбиков, движется к кабинкам, где заседают суровые служащие в форменной одежде. Вокруг знакомые все лица — наш рейс. Обмениваемся короткими фразами. Атмосфера не очень дружелюбная. Волей-неволей на память приходят рассказы «бывалых» — о том, как прямо на границе кого-то арестовали, а кое-кого просто завернули на ближайший рейс домой, мол, в базе данных значится, как нежелательный элемент. Вот тебе и Америка. Вспоминается и пресловутый «Брат 2»: «Сало, яблоки, есть?». Да какие тут яблоки, не говоря уж про сало, быстрее бы вся эта муторная процедура закончилась.

Ближе к кабинке начинаем улавливать смысл происходящего. Вопросы задают! Зачем приехал, насколько! Да какое, блин, ваше дело, все еще в посольстве рассказали. Там—то на русском спрашивали, как им теперь на английском отвечать? Ладно, как-нибудь прорвемся... Договариваемся держаться вместе один за другим, тот, кто первый проходит — ждет второго, вместе «отбиваемся» от миграционной службы.

Мимо нас, помахивая пластиковой карточкой, проскальзывает девушка с явными чертами кавказской внешности. «Грин кард? О, кей!» — указывает ей отдельный коридор высокий толстый негр. Там нет ни очереди, ни досмотра. Офицер лишь бросает взгляд на ее

«грин-кард» и на мгновение задерживает взгляд на российском паспорте, и вот уже машет рукой — проходите.

Вот и наша очередь подходит. Латинос с каменным лицом в синей военной форме с пистолетом на поясе мрачно смотрит в лицо. Вот так Америка встречает своих гостей? Ну-ну. Напрягаем остатки душевных сил и мучительно выуживаем из памяти весь словарный запас. Для начала «Гуд монинг!». «Гуд монинг». Дальше сложнее. «Цель приезда в США»? Да какая цель? Так, страну посмотреть. «Турист я, турист». «Туристо!?!». «Да, да, турист!». «Время пребывания в США?» Какое там время — три недели всего-то. Вот и билеты обратные в электронном виде. Показываю ему. Так, билеты посмотрел. Читать-то хоть умеешь? Умет, стало быть. Вот, уже и рукой машет. Туда идти? Да? О, а что это он с моим паспортом делает? Степлером, злодей, прищипливает какую-то бумажку прямо к одной из страниц. Да это же миграционная карта, которую я в самолете заполнял. Как бы паспорт мне не испортил, документ все-таки. Однако, судя по датам в миграционной карте, мне разрешено пребывание на территории США в течение шести месяцев. Ну, что же, благодарствую! Вторую часть миграционной карты сотрудник ленивым движением руки бросает в какой-то картонный ящик, больше похожий на импровизированную мусорную корзину. Плевать он хотел на эти миграционные карты! Ну-ну...

Так, вроде бы вышли на оперативный простор. Вышли, да не совсем, тут еще один офицер миграционной службы на выходе стоит. Этому-то чего надо? Вот те на, и этот паспорта проверяет. Да сколько же можно, в конце концов! А, он только наличие миграционных карт смотрит! Хорошая у него работа — не пыльная. Так, убедился, что миграционная карта на месте. «Гуд бай, служивый!» Перед нами открываются последние стеклянные двери, за которыми машет руками пестрая, разноликая толпа встречающих.

Два высоченных, оба за метр девяносто, поджарых красавца — это и есть Алексей Евтюгин и Андреас Киснер. Прилетели вчера из Германии, уже успели насладиться красотами Нью-Йорка. Попадаем в их крепкие, дружеские объятия. Вот теперь — приехали! Выходим из помещения аэровокзала — оцениваем диспозицию и решаем, как будем добираться до Манхэттена.

В итоге в Нью-Йорк мы отправляемся на метро — так быстрее, чем на автобусе и дешевле, чем на такси. Метро стоит около восьми долларов, а «тачка» обошлась бы раз в десять дороже! Здравствуй, Нью-

Йорк. Встречай нас, Манхеттен! Вот она — Америка, а между тем начался обратный отсчет, до рейса в Москву.

Нью-Йорк вообще страшный, когда ночью пусто и кто-то хохочет.

Джером Дэвид Сэлинджер

ФЕЕРИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА НЬЮ-ЙОРКА

В метро, наряду с четырьмя белыми парнями, в одиннадцать часов вечера путешествуют исключительно одни негры, извините, ради Бога, афро-американцы. Редко когда на остановке мелькнет среди «черной гаммы» белый «мазок». Впрочем, давайте определимся в понятиях. Негры, они и в Америке негры, не принимает русский язык заковыристого сочетания афро-американцы. Пусть остаются неграми, без всякого обидного смысла. По вагонам, так же, как и в Москве, бродят крепкие ребята, предлагают сомнительного вида косметику и конфеты. Никто у негров ничего не покупает. Зачем они здесь гуляют?

Минут через сорок выходим на остановке 43 Street — это район нашего проживания, где-то поблизости и отель «Carter», где нам коротать ближайшие пять суток. Получаем карточки доступа в номера, бросаем вещи и буквально выбегаем на улицу, точнее на Street. Метров через двести наша 43 Street выходит на площадь Таймс-Сквер — а это самый центр и Манхеттена и Нью-Йорка! Столпотворение на Таймс-Сквер потрясает, такой многоликой и разноцветной толпы нам видеть еще не доводилось — ни в Европе, ни в Азии. Белые, негры, мулаты, латиноамериканцы, китайцы и корейцы, арабы и индейцы! Господи, да это какой-то Вавилон, век XXI. И вся эта толпа непрерывно двигалась, кружила по Таймс-Сквер от одного ее истока — Бродвея до другого — Седьмой авеню, удаляясь дальше, к набережным Манхеттена, просачиваясь, растекаясь в многочисленные лабиринты нью-йоркских улиц, не менее знаменитых, чем сама Таймс-Сквер.

Вечером в субботу на Таймс-Сквер, хочешь не хочешь, но ты вынужден согласиться с банальной истиной, что Нью-Йорк — мировая столица иммигрантов, город, где перемешиваются нации и расы. «Большое яблоко», как называют Нью-Йорк сами его жители — это